

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук. Тема диссертации «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор книг о поэтах Серебряного века: «Поэма об Анне Ахматовой», «Поэма о Борисе Пастернаке» и др. Организатор Международного фестиваля духовной поэзии «Покрова». Председатель жюри Международного литературного конкурса «Балтийский Гамаюн». Вице-президент РО Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ЖУРНАЛА «БЕРЕГА»

Отклик на журнал «Берега» № 5(57)-2023

Аристотель начинает свой труд «Политика» с утверждения – философия должна рассуждать о том, что всего ценнее. Русский журнал «Берега», ориентированный на ценностный, глубинный анализ современности в контексте развития русского и мирового исторического процесса, делая акцент на историософском осмыслении реальности, следует этому призыву Аристотеля и, занимая чёткую гражданскую позицию, рассуждает о том, что всего ценнее, из номера в номер.

Сегодняшний конфликт социальных (часто навязываемых извне), нестабильных, изменяющихся во времени, и традиционных, передающихся из поколения в поколение, культурных и религиозных ценностей находит на страницах журнала правдивое отражение.

Как утверждает В. Ершов в своей работе «Психология ценностей в социокультурном измерении»: «Ценности, будучи продуктом социально-культурной матрицы, к которой относится человек, во многом определяют его поведение. Матричные изменения приводят к изменениям как всего социума, так и отдельного индивида». По сути, журнал «Берега» в течение всего своего десятилетнего существования фиксировал эти матричные изменения в русском социуме, отражая в своих художественном, аналитическом и публицистическом измерениях разрыв должного и сущего, проявляющийся во время глобального кризиса с особой, порой вопиющей, остротой и на социальном, и на индивидуально-личностном уровнях. Из номера в номер журнал «Берега» анализировал сущностные изменения общественного сознания, выявляя подлинные причины тех или иных исторических коллизий, выявляя роль и ответственность той или иной личности, поднимающейся порой на властный Олимп, порой вне, казалось бы, всякой исторической логики, и, однако, надолго изменяющей своими действиями исторически сложившееся цивилизационное русло временного потока.

Так, в пятом номере журнала «Берега» опубликована статья Григория Блехмана «Хрущёв – мина замедленного действия под СССР и источник СВО», отражающая «хрущёвскую слякоть», выявляя на основе конкретных исторических документов сокрытые от общественности факты, характеризуя тем самым первопричины обрушения русского социума в девяностые годы: корни тех событий уходят в «хрущёвскую перестройку».

Григорий Блехман приводит цитату из журнала «Новый Китай» за 1964 год: «Преступные действия Хрущёва и его сподручных будут иметь долгосрочные последствия: приведут к перерождению, а затем к разрушению СССР и КПСС». Проведя тщательный анализ экономических реформ Хрущёва, подкреплённый цитированием исторических документов, Григорий Блехман резюмирует: «Подводя итог всем финансово-экономическим реформам Хрущёва, можно констатировать, что они привели к очень печальным последствиям для страны, нанеся экономике страны неповторимый вред, повлёкший за собой две хронические беды: зависимость от нефтяного экспорта и постоянный дефицит продовольствия. Всё это впоследствии станет одним из главных экономических факторов, погубивших могучий сталинский Советский Союз».

И ещё: «...досрочное освобождение бандеровцев, власовцев, полицаев и прочих военных преступников вполне вписывалось в политику хрущёвской “перестройки” и дестабилизации».

И ещё: «17 июня 1954 года Крымская область, благодаря активным стараниям Хрущёва, была юридически незаконно передана из состава РСФСР в состав УССР».

Казалось бы, констатация фактов, но какой воистину «миной замедленного действия» послужила «перестройка» Хрущёва, какое воздействие оказала на константы русской цивилизации, внося меркантильный дух, искажая высокие цели, утилизируя былой ценностный ряд.

Последствия изменения аксиологического ценностного ряда отражены в беседе критика, доктора гуманитарных наук Капитолины Кокшениной и писателя Анатолия Байбородина «Слово о роде и народе». Вот что говорит писатель о современном состоянии русской литературы: «...со второй половины восьмидесятых годов русскую традиционную народную литературу, словно безродную нищенку, чужеродная и чужеверная российская власть выпихнула на задворки культуры, отдав предпочтение зрелищным искусствам, сплошь и рядом низкого пошиба». И далее: «Трагедия русской традиционной литературы – это трагедия перестроечной России, трагедия даже не в том, что искушённые чужеземным Западом доморощенные воры и душегубы державу в одночасье ограбили до нитки и российский народ проснулся нищим и обездоленным, великая трагедия России в том, что окаянная и безродная власть вот уже три десятилетия с дьявольским упорством, с дьявольской методичностью работает над изменением русского менталитета».

И далее: «...в годы перестройки с её агрессивной дьявольской пропагандой, с использованием телевидения, космополитизации подвергся уже весь народ и стал утрачивать свой подлинный духовно-нравственный образ».

Писатель свидетельствует: «Первое, что перестроечная пропаганда сотворила – загнала в катакомбы русскую традиционную литературу, видя в ней образ русского характера».

Даёт писатель и определение русскому характеру во всей его правдивой наготе: «Слишком сложен, слишком противоречив русский характер, в котором мучительно, нередко для души разрушительно уживались вера испуганная и разгул, слёзное покаяние и свирепый грех. Церковь и кабак. Я бы даже сказал, что он, русский характер, и самим-то русским, маловерным, подчас непостижим, и порой я даже не знаю, что ожидать от самого себя завтра». Писатель в этой связи добавляет, что он «...осмыслил язычество как трагедию русской души, что мечется меж вседозволенной волей и христианской волей от порочных страстей». Вместе с тем Байбородин утверждает: «Неистребим твой Божий дух, Христова Русь, бескрайне щедра на таланты вроде и голодная, холодная, хмельная и бесправная Русь». Писатель оставляет надежду: «Будем уповать на чудо – на то мы и русские, чудные и чудные, что воцарит на Русском Престоле русская власть, обернётся благодушным лицом к своей родной, традиционной русской литературе».

Оставляет надежду на спасение мира и Сухейль Фарах в статье «Возможен ли диалог и партнёрство цивилизаций в современном мире», рассуждая об аксиологических проблемах человечества. Автор статьи утверждает: «Мы тщательно обдумываем систему цивилизационных человеческих ценностей, и возникает ощущение глубокой озабоченности по поводу его настоящего и будущего. Это относится к трём системам ценностей: 1) либеральная система и все постмодернистские ценности; 2) классическая социалистическая система и некоторые её современные производные; 3) религиозная система со всеми её проявлениями в сообществе людей и отношением к процессам извне». Сухейль Фарах свидетельствует: «Человечество охватило экзистенциальное беспокойство. Важной является попытка ответить на роковой вопрос, который повторяет большинство людей, живущих на этой измученной планете: где мы? Какова наша судьба? Это самый трудный вопрос, который требует координации».

Исследователь утверждает: «Человеческий цивилизационный оркестр продолжает играть какофонию. Шесть основных цивилизационных групп должны работать над собой, чтобы поддерживать общий психологический, рациональный и человеческий аспект. Это группы: 1) европейская, 2) американская; 3) русско-европейская; 4) индокитайская; 5) исламская; 6) океаническая».

И ещё: «У человечества два пути: либо практики сильный – слабый, правитель – управляемый, либо вариант, который даёт реальную надежду на продолжение справедливой человеческой цивили-

зации на земле, благодаря бдительности мудрого ноосферного разума, чтобы умножать человеческие ценности, которые во многом сводятся к трём: Наука, Этика, Красота». Сухейль Фарах проецирует «распространение основ гуманистически-ноосферной космической цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства...»

Раздел «Проза» начинается с повести Василия Килякова «Светлые дали Евсеича». Аксиологический концепт русского кода пронизывает всю текстологическую ткань. Так, в повести Василия Килякова отражается исконная «мечта русского человека – пронзённость совестью»: «Ложь всё и подмена демократии видимостью её. <...> Теперь стали нас путать, смешали намеренно свободу с распушенностью. <...> Трусость, разумеется, не сила, а слабость, следовательно, и жестокость. Сила солону ломит, только сила и остаётся, когда нет любви. Ветхозаветная истина. Неоспоримая. <...> И всё мы позволили оболгать, осмеять, переписать историю свою позволили, и кому? Кому?» Это – голос народа, услышанный и художественно оформленный писателем.

Приведём небольшой отрывок из рассказа Игоря Изборцева «Варфоломеевская ночь», и леденящий холод смены ценностных цивилизационных знаков, пережитых нами совсем ещё недавно, предстаёт во всём своём правдивом естестве:

«– Вы ко мне? – строго спросил Грибов, заметив Петра Варфоломеевича, и скинул руку со спины секретарши. – Я сегодня приём закончил.

– Этот гражданин с утра ждёт, он из церкви какой-то, – подала голос секретарша. – Его письмо у вас на столе, Иван Сергеевич.

– Да? – Грибов насупился. – А почему гражданин? Господин. Теперь все господа. Чего вы просите?»

И – финальные строки рассказа:

«Он бережно, словно спасённое от недоброжелателей ценное имущество, нёс под мышкой книги с житиями. “Ничего, чай не пустой иду, – утешал сам себя, – не зря сходил. Да и каково им было бы там стоять?”»

Вынести книги с житиями святых из захваченного девяностыми пространства как знамя с поля боя!

Валерий Герланец публикует повесть «Благословенный». Время Александра I представлено историческими параллелями. Ярким свидетельством того, что происходящие ныне исторические процессы уходят корнями вглубь веков, выступают строки: «Главная тема созванного заседания: доктрина Монро, с которой президент Соединённых Штатов Америки буквально ворвался в международную политику, желая подмять её под нужды своей молодой, но весьма настырной державы». Создаётся впечатление, что эти строки сказаны не о времени государя Александра I, а именно о дне сегодняшнем, об эпохе неолиберализма и глобализации.

А вот как автор описывает встречу царя Александра I со святителем Серафимом Саровским:

«Серафим перекрестился и вышел на крыльцо. Навстречу ему, лучетворно улыбаясь, бодро шёл Александр. Его золочёные пуговицы на мундире и сапоги с высокими голенищами поблёскивали в лучах солнца. Государь был без свиты, и, судя по всему, из монастыря, где он провёл ночь, шёл пешком.

– Здравствуй, преподобный Серафим, – низко поклонился он старцу.

– Христос воскрес, радость моя!

– Сказывали мне, что ты, будучи великим светильником и подвижником, стяжал дар прозорливости».

Христианские ценности народа в диалоге венценосного царя и высочайшего духовного лица отражают светоносное ядро национального кода!

Рассказ Сергея Собакина «Тревожные люди» продолжает мистически-сатирическую традицию русской литературы: «И даже появился такой психологический термин, как «синдром золотого человека», при котором люди сходили с ума в попытках найти у себя хотя бы грамм золотой ноши,

«исследовали» и истязали собственный организм так, как если бы это было не их собственное тело, а взятый напрокат костюм человека».

Вера Сытник в рассказе «Творческая встреча» продолжает традицию глубинного психологизма русской литературы, отражая экзистенциальный драматизм человеческого бытия, печальное несоответствие мечты и сущего.

Вместе с тем в автобиографической прозе Николая Жукова «Балтийская осень» мечта осуществляется, однако парадоксальным, не таким, как представлялось автором ранее, способом: «Казалось бы, что мечта моей жизни реализовалась не полностью, я не стал боевым адмиралом, хотя шёл к этой цели, служа по-честному. Но вот совсем недавно один из моих закадычных друзей, который является родителем моего ученика-кадета, сообщил мне новость, что за глаза, оказывается, в нашей гимназии меня называли “Адмиралом”. Так что, невзирая на отставку, я дослужился до высокого звания, звания, что присвоили мне мои ученики. А потому мечта сбылась».

В этом тоже русский код – вера в чудо, которое осуществляется порой само собой, даже вопреки жизненным обстоятельствам.

Раздел «Поэзия» начинает Алексей Полубота. «Мыслящий тростник» преломляет реальность: стихи становятся морозкой, валуны согревают друг друга, как тюлени, дух христианского Валаама и дыхание Святого Трифона ощутимы. Связь с природой настолько органична, что в сосну прорастают руки.

В поэзии Ивана Молчанова-Сибирского можно почувствовать влияние есенинских образов – читая стихотворение «Мать», строки «Что ты ходишь за околицу», так и хочется продолжить знаменитым «В старомодном ветхом шушуне». Рифма «ёлки» – «волки» ассоциируется с Мандельштамом. Стихотворение «Кузнец» напоминает поэтику Балтрушайтиса. И всё же, осуществляясь в традиции русской поэзии, поэт восхищает своеобычной органикой образов природы: «Тополёк в осенних листьях // Словно стрижен под гребёнку». Что-то очень русское, родовое в строках поэта о матери. И хочется верить, что новое время действительно куётся, читая стихотворение «Кузнец».

Элегическая поэзия Зои Колесниковой отличается умением осязать дыхание вечности в земном бытовании:

*Уже нетрудно думать о поре,
зовущей нас к Божественному Свету,
взойти к нему на утренней заре
иль на вечерней... в полудрёме ветра.*

*Легко быть добрым. Белый свет жалеть...
Идти к Голгофе тысячу ступеней,
и до заката, может быть, успеть
Услышать о причастности к Успенью.*

Философия христианского преображения души зафиксирована в строках:

*Эту синь так впитали глаза мои,
что, смятенная прежде, душа
по небесным законам-экзаменам
стала жить, и любить, и дышать.*

Инобытие у этого поэта вплетается в духовную ткань бытия, и эта постоянная духовная и душевная работа находит отражение в строках:

*...и это длилось долго, а затем
при всей своей огромности летел
с тобой и мной один небесный шар,
и яблоку в саду он не мешал,
искал в нём воплощения опять...
Но мы могли о том уже не знать.*

Или:

*Будут летать букашки,
Будет янтарный свет,
Будет совсем не страшно
Думать, что смерти нет.*

Можно предположить, что поэзия Зои Колесниковой – это художественное осмысление себя в человечестве сквозь призму времени и любви, предощущая вечное.

Проникновенными стихами о матери – «Щегол» – открывается стихотворная подборка Светланы Кековой.

Метафизике творчества посвящены строки:

*Ведёт дорога туда, где много
впустую прожитых мною лет.
«В пустыне трудно не верить в Бога», –
сказал когда-то один поэт.*

*<...> А было ли у поэта имя,
не ведают Гумилёв и Блок.
но каждый ищет свою пустыню,
в которой может явиться Бог.*

Философско-религиозные стихи Светланы Кековой звучат набатом:

*Одумайся, душа! Отвергни бремя сытых
и вспомни о других – обманутых, убитых,
об огненных словах, забытых впопыхах,
опомнись – и заплачь о собственных грехах.*

*Но нравится душе блуждать по бездорожью,
согласия искать меж истиной и ложью
и тело на себя, как пыльный плащ, одеть,
чтоб танго танцевать и в зеркальце глядеть.*

Художественное осмысление религиозных смыслов, вживлённых в тонкий мир человеческого естества, представлено поэтом в строках:

*Птица пролетит как тень разлуки,
ты узнаешь детский наш секрет:
терпит тело родовые муки
в час, когда душа рождает свет.*

*Там, внизу, сужалась бесконечность,
втягивая мира круговерть,
и стоял Христос у входа в вечность,
крестной мукой побеждая смерть.*

Историософское наполнение поэтических строк вызывает у читателя трепет сопереживания:

*Миску с красною чечевицею
снова жадно схватил Исав,
а Россия с её столицею
снова взвешена на весах.*

Или:

Мы теперь не Обломовы – Штольцы.

Или:

*И мерещится Русь Золотая
Нам, зачатым в Железной Руси.*

Сергей Воробьёв воплощает в своём произведении «Я выгнан из детства» юнговский архетип странника, однако укоренённого подсознательно в русской ценностной системе. «Я – русский, таким меня сделало Православие», – сказал когда-то Николай Гумилёв. В этом тексте поэтом отображён путь от безлюдия и обольщения к чуду обретения смысла.

Приведём начало произведения:

*Я выгнан из детства –
из райского сада,
как будто снарядом
прошло мне сердце,
бессонною ночью
был я обесточен –
достались в наследство
одни междустрочья.*

*Но всеми оставлен,
живя по подвалам
и вашим и нашим, –
в краю буцефалов,
в селении вражьем
их меньше не стало –
громадностью башен
я был ошарашен.*

*Возможно, по краю
ходил я, дружиня,
и в двери чужие
врывался без стука,
натруживал жилы
и брал на поруки,
забыв о наживе –
древнейшей науке.*

*Кому-то – не так ли? –
сидеть в Вавилоне –
в сидячем вагоне,
где властвует Маклер,
но вечные башни
обломками лягут
не раз и не дважды
падут, как в спектакле.*

*Проснувшись однажды
при тусклой лучине,
не лица – личины
увидел, где каждый,
как мира химера,
не ведая веры,
уткнулся в свой гаджет
и Бога не жаждет.*

И приведём финальные строки:

*Душою разъятой
искал образ Солнца –
с Архангелом Божьим
там шли богомольцы
за хлебом насущным,
и с ними Пресущий,
в страданьях распятый,
Спасенью присущий.*

*Идут богомольцы,
звонят колокольцы,
зовущие в детство
призывно-тревожно.
И я с ними в детство
иду осторожно,
мечтая согреться
дыханием Божьим.*

Это стихотворение отражает во многом духовные поиски поколения, рождённого в «хрущёвскую оттепель», но, как потом выяснилось, в «хрущёвскую слякоть». Прельщённые башнями, но не ведаю-

щие наживы, опьянённые музами и не сумевшие ужиться на Парнасе, мы шли в запои, в странствия, в моря. Но русская душа жаждет Рая. Порой это чудо свершается – блудные сыны и дочери обретают дорогу домой. Не зря ведь Райнер Мария Рильке сказал, что Россия граничит не с другими странами, а с Раем.

Вот что поэт говорит, пройдя свою долю метафизического бездорожья:

*Увидев, что были скитанья мои
Для поиска именно этой земли,
Где старый баркас я уже не качал
И где мой причал стал началом начал.*

Горьким личным опытом оплачено предостережение поэта:

*Скажи, проклятый кукловод, –
Назад мне страшно оглянуться,
Когда от слепоты очнутя
Все те, кто продолжает род?*

*Ответа нет! Но я-то знаю,
Князь тьмы – он потаённо ждёт,
Пока его час не придёт,
И ты качнёшься в пропасть с краю.*

Поэт Ольга Флярковская называет город Псков братом – настолько органична их родовая связь. Отечественная история пронизывает строки поэта, и топография русского Севера облекается в поэтические образы. Это русская по духу поэзия, где красота природы пронизана русским гением, ибо пушкинская свеча вечно возжена, как заря бессмертия:

*Да проказы потешные для господских утех,
Поцелуя поспешного обжигающий грех,
Всё аллеи, да мостики, да от писем зола...
Как под ситчиком простеньким грудь русалки бела!*

Душа России, её вечная тоска по Земному Раю, Божьему Царству на земле для всех – всё это выражено в стихотворении «Отчего ты плачешь?». Это стихи о том, что России присуща вечная святость, и всяк, имеющий уши, да услышит этот тихий набат.

Глубоким лирическим переживанием пронизаны строки Владимира Масалова:

*Хочется поглаживать листочки,
До ветвей дотронуться рукой,
И весной, когда набухнут почки,
Целовать их нежно по одной.*

Сильна патриотическая нота:

*Мне отец в той войне завещал
Сохранить, что они отстояли.
Мне он верил, когда умирал
Под Варшавой, где многие пали.*

Гневные строки Руслана Кошкина порой окрашиваются мудрым покоем, призывают к кротости:

*Мнящий дело своё оборонным и правым,
не забудь же душой уподобиться травам,
напитаться безмолвием вровень с водою.
Укротись – и вступи в своё дело святое.*

Глубоким лиризмом пропитаны стихи Михаила Позднякова (перевод Михаила Кулеша):

*Душа полна любовью, тишиной,
Но сердцу почему-то одиноко.
Не надо, луг, вернулся я домой,
Прими меня, как брата, без упрёка.*

*Здесь, на помосте старого крыльца,
Я вспоминаю годы молодые.
Во мне не отгорела до конца
Боль за грехи и горести земные.*

В разделе «Берега Янтарного края» поэт Ирина Моткова мечтает «В друзей обратить // вчерашних врагов», однако понимает, что «дни всё быстрее, // и нужно успеть».

В Записках о Янтарном крае «Колыбельный мотив» Натальи Советной, которые посвящены единению народов России и Беларуси, автор повествует о своём месте рождения, посёлке Янтарном, где она родилась и находилась там первые два года жизни, а через много лет приехала в Калининградскую область, чтобы альбомные чёрно-белые фотографии родителей вдруг ожили и приобрели краски: «Море ласково поцеловало мои ноги, весело заплескалось в руках, брызнуло в лицо, а налетевший ветер с готовностью растрепал мне волосы, в которых засверкали дрожащие солёные капли... Наша встреча состоялась!»

«Берега юбилеев» представляют повесть Светланы Савицкой «Назови имя Бога (Космическое эсперанто)». Красочно говорит о прозе юбиляра астролог Павел Глоба: «Имя Бога – шифр Вселенной, пароль для достижения заветного желания, реализации истинной цели души. <...> Жанр, в котором работает Светлана Савицкая, называется “магический реализм”. <...> Фундаментальные произведения, написанные ярким литературным языком, представляют собой некие астрологические прогнозы, исторические и философские открытия».

«Берега культуры и искусства» предоставляют вниманию читателя текст Александра Ралота о знаменитом русском архитекторе «За служение России к смертной казни приговорить». Аксиологическое наполнение этого текста очевидно:

«Его воспоминания прервал звон убираемой посуды.

– Так мы остаёмся или нет? – еле слышно произнесла супруга.

– Моя Родина отныне и до скончания дней – Россия, – ответил архитектор и, опираясь на стол, поднялся с места.

Два года спустя Джакомо Кваренги получил потомственное российское дворянство и за выдающиеся заслуги был награждён орденом Святого Владимира первой степени».

Как же хочется повторить вслед за автором: «Отныне и до скончания дней!»

Раздел «Берега прочтения» открывается статьёй Нины Черепенникова «Меценат государства Российского. О книге Геннадия Сазонова “Аршином общим не измерить”, но и не только...».

Нина Черепенникова цитирует автора книги: «Над книгой я работал более двадцати лет, – рассказал Геннадий Сазонов. – Изучал архивы Москвы, Вологды, встречался с родственниками моего героя, краеведами. Меня в первую очередь привлекла ЛИЧНОСТЬ Леденцова, его незаурядный характер, и главное – его жертвенность во имя процветания Родины. Христофора Семёновича можно назвать меценатом государства Российского, поскольку последствия деятельности созданного им Общества неопределимы во всех сферах бытия нашей Родины...»

Далее «Берега прочтения» представляют статью Вячеслава Лютого «От житейского к духовному (одинокий человек в прозе Игоря Изборцева)». Согласно автору статьи, писатель стремится исследовать «одиночество человека в контексте с эпохой, где всё норовит взаимно разладиться, но сохраняется благодаря великой надмирной милости и смыслу». Вячеслав Лютый высказывает мысль, схожую

с высказанной в тексте представленной в пятом номере журнала «Берега» беседы Капитолины Кокшениевой и писателя Байбородина, о том, что русская народная литература будет уважена в родной стране. Приведём эти строки Вячеслава Лютого: «Хочется верить, что настоящая, честная проза наших писателей, в течение долгого времени отчуждённая от массового читателя, всё-таки непостижимым образом проникла в массовое сознание, делая в нём важные и необходимые “поправки”, обозначая место, на котором стоит сейчас русский воин, – как родовую почву».

Словно продолжая эту мысль Вячеслава Лютого, Владимир Скиф в статье «Иван Молчанов-Сибирский» цитирует строки Александра Гайдая: «Конечно, писательский труд – дело сугубо индивидуальное. И своими успехами, художественными открытиями авторы обязаны прежде всего своему дарованию, но немаловажное значение имеет и та обстановка, то окружение, в котором работает литератор».

В разделе «Берега прочтения» в статье Лидии Довыденко «Благодарение, благо и честь» анализируется книга Сергея Пылёва «Харисто». Автор статьи, вчитываясь в тексты писателя, рассматривает литературу как «средство влияния на дух человека, а личность как проводник в духовные сферы». Лидия Довыденко на основании исследуемых текстов утверждает: «Мир обречён, если не перейдёт в реальный мир». Со светлой грустью читаются строки: «Во время операции на сердце ему ангел нашептал слова: “Харисто гунаиз”. Стоит только произнести человеку эти слова, как он и всё человечество обретёт заветное счастье. Он записал эти слова и другие, которые говорил ангел, но когда пришёл в себя, не вспомнил их значения и воспринял как бред. <...> Что такое “Харисто”, никто не знал, но напоминает оно Евхаристию – благодарение, благодарность, признательность, добро, благо, почитание, честь, уважение, а также Святое Причастие».

Лидия Владимировна утверждает: «Художественное творчество Сергея Пылёва даёт читателю возможность почувствовать жизнь так, что он почти осязает себя в непревзойдённой свежести и подлинности. Изображение им современной жизни захватывает нас, потому что в повести Россия жива во всей яркости и правде менталитета русского человека, обладателя высшего дара – быть счастливым не одному, а непременно со всем человечеством».

Миссия журнала «Берега» – отстаивать коды русской цивилизации, выпестованной в лоне Православия, когда без «счастья для всех» невозможно счастье одного или нескольких, ибо мироздание Всеедино. Именно в этом основные смысловые узлы тонкой энергии традиционной русской литературы и культуры в целом.

Сохраняя цивилизационные коды, аксиологическое ядро народа, его литература сохраняет и врачает народную душу. Бессмертную.

04.11.2023

